



Все началось с жажды власти. Раньше я и представить не могла, что такое может произойти с нами. Но оно случилось. Шипами вонзилось в легкие, сдавливая их, заставляя горло хрипеть в предсмертных муках. Если бы мы только знали, чем закончится наша поездка, разве согласились бы на это?..

Когда мы ехали в сторону леса, казалось, что все уже давно мертво. Вместо пышущих здоровьем молодых людей я видела их позеленевшую кожу, западающие глаза и ощущала запах гниющих тел. Из-за тревоги постоянно сжимала и разжимала кулаки, оставляя красные полосы от острых ногтей. Кровь все еще циркулировала по моим сосудам, сердце билось, легкие заполнялись кислородом.



Я сделала глубокий вдох и тут же зашлась в сухом кашле.

— Господи, да выпей ты воды, — мгновенно среагировал Тимур, протягивая мне бутылку.

Он сидел на переднем пассажирском сиденье и выглядел раздраженным с самого начала поездки. Тимур не пытался скрыть своего отвращения. Я не должна была ехать с ними. Сама напросилась, и у него не осталось выбора. Университет запросил проект по московским лесам, нужно было изучать экологическое состояние деревьев, а участок Новогорского лесопарка как нельзя кстати отвечал требованиям. Можно сказать, попросту ухватила свой шанс получить «отлично».

Открыв бутылку и сделав глоток, хотела вернуть ее, но Тимур махнул на меня рукой. «Брезгует», — тут же поняла я, уставившись в окно, за которым бесконечно сменялись посадки. Лето было на удивление жарким, хотя стояли лишь первые числа июня. Солнце ярко слепило, отчего приходилось постоянно щуриться. Солнцезащитные очки благополучно остались дома.

— Ты две палатки взял? — спросила Тимура Даша, не отводя взгляда от дороги.

— Откуда? — зло буркнул тот, перебирая пальцами по обивке сиденья.

Он то и дело нажимал на кнопку, которая открывала и закрывала окно. Свежий лесной воздух пробивался в салон автомобиля, а потом опять скрывался за стеклом.

— Ты мне еще кондей доломай. Перестань тыкать!

Даша резким движением попыталась хлопнуть Тимура по руке, но, не дотянувшись, поймала лишь воздух. Поджав губы, она сделала кондиционер еще сильнее. Его шум перекрывала тихо играющая музыка. Вроде бы звучала песня Led Zeppelin *Immigrant song*. Я прикрыла глаза, вспомнив, как в детстве ез-

дила с родителями на речку, чтобы пожарить шашлыки. Тимур часто отказывался от таких поездок, оправдываясь большим количеством учебы или неотложными делами. Впрочем, его можно понять. Только сейчас наша разница в возрасте стала более менее незаметна, хотя мы до сих пор не можем найти общих интересов или тем для разговоров. Я покосилась на брата, который нервно расчесывал голову и ерошил волосы. О чем он сейчас думает? Хотелось бы мне это знать.

В машине нас было пятеро. Ни одного свободного места. Сзади мы теснились, словно сельди в бочке. Казалось, даже запах был соответствующий. Еще этот невыносимый ароматизатор болтался на переднем зеркале и то и дело бился о стекло, создавая звук, похожий на отсчет метронома. *Тук. Тук. Тук.* От него несло чем-то приторным. Наверное, забродившим арбузом или дыней. В любом случае меня жутко тошнило, когда я чувствовала эти сладковато-гниющие нотки. Те секунды проветривания, когда Тимур нажимал на кнопку и открывал окно, несколько спасали ситуацию.

Машина замедляла ход. Мы почти приехали.

Я вышла и потянулась, разминая затекшие конечности. Обернувшись, заметила, как Яна, подруга Тимура, вынимала из багажника пластиковые ведра, внутри которых плавало сырое мясо в маринаде. При каждом движении оно противно хлюпало, совершенно не вызывая аппетита, а скорее, напротив, обостряя приступ тошноты. Небо было серым и неприветливым, несмотря на палящее солнце, которое нещадно обжигало лица и плечи. Я поправила спадающую с плеча блузку. Легкая ткань еле дотрагивалась до кожи, но даже так ощущалось неприятное трение. Хотелось расчесывать ее до крови каждый раз, когда возникало соприкосновение. Поэтому, когда Яна коснулась

рукой моего оголенного плеча, я вздрогнула и напряженно покосилась в ее сторону.

— Поможешь? — Она растянула губы в улыбке и протянула одно из ведер.

Я взяла его, и ручка тут же впиалась в ладонь. Мира с хмурым выражением лица стояла рядом с Дашей. Насколько я знала, она была ее близкой подругой и поехала только потому, что та позвала. Мира была старше меня на несколько лет, но из-за невысокого роста и крупных черт больше походила на ученицу старших классов, чем на взрослого человека. Лишь тяжелый, несколько безразличный взгляд и залом на переносице от постоянно сдвинутых бровей говорили о ее реальном возрасте.

Она несколько сутулилась и то и дело сжимала пальцами ткань широких брюк. Все ее жесты выдавали беспокойного и тревожного человека, но в то же время во взгляде выражалась пустота. Мира смотрела внутрь самой себя, когда обращалась к собеседнику. Губы растягивались в улыбке, а глаза ничего не выражали. Честно говоря, выглядело это достаточно жутко.

Прежде чем отправиться вглубь леса, Тимур закинул на спину палатку, а девушки подхватили мангал, масло для розжига, шампуры и сумку с продуктами. Мы собирались пробыть там максимум до утра. Был спокойный субботний день, близился вечер. Через несколько часов солнце окончательно зайдет за горизонт.

Все шли в полной тишине. Лишь ветки хрустели под ногами, будто ломающиеся кости. В ведре хлюпал шашлык. Я то и дело переводила взгляд вверх: кроны деревьев переплетались, загорая солнечные лучи, хотя те упорно пробивались через крохотные промежутки среди листвы. Тимур шел впереди, все его тело было напряжено до предела. Казалось, подойди я бли-

же, могла услышать скрежет его зубов. Он горбился под тяжестью вещей, что нес на спине и держал в руках. Ума не приложу, откуда они только взялись и зачем нам столько?! Вены на его руках выделялись так сильно, что я невольно отвела глаза, еще немного — и они просто лопнут от напряжения.

Я быстрым шагом поравнялась с Дашей. Она смерила меня оценивающим взглядом, стараясь выглядеть при этом доброжелательно.

— Что тебе, зайчик?

Даша называла меня лишь такими прозвищами и никогда по имени. Возможно, потому, что не помнила его, хотя я и была сестрой ее парня. В любом случае она хотя бы пыталась быть милой со мной.

— Я надеялась, что ты не поедешь. — Я не решилась посмотреть ей в глаза, говоря это.

Даша расхохоталась так сильно, что Мира и Яна, обходя нас, бросили подозрительные взгляды.

— А я не понимаю, почему тут ты. — Не переставая улыбаться, она положила руку мне на волосы и провела по ним сверху вниз.

Улыбка исчезла так же резко, как и появилась. Даша убрала руку и вытерла ладонь о джинсы. Жест не смог пройти мимо меня, хоть и был мимолетным и, скорее всего, машинальным.

Когда мы расположились на выбранном месте, уже смеркалось. Нам хотелось дойти до берега и развести костер, но, сколько бы ни шли, никак не могли выйти к речке. В итоге, сдавшись, решили остановиться там, где до нас уже проводили время другие люди. Это было понятно по выжженной земле и пеплу, где раньше горел костер. Тимур вместе с Дашей устанавливали палатку. Они пререкались друг с другом, но действовали слов-

но единый организм — точно и слаженно. Мира раскладывала стол, чтобы потом разложить на нем овощи и хлеб. Яна разводила костер. У нас уже был собран мангал, где прогорали угли, но она решила, что нам необходим настоящий костер, около которого можно будет уютно посидеть вечером и погреть руки. Я волновалась из-за пожара — мы же находились в лесу, но все лишь отмахивались от предостережений. Яна, сидя на корточках, пристально посмотрела на меня, когда я подошла с предложением помочь. Она лишь мотнула головой и продолжила собирать сухие ветки и листву для розжига.

— Интересно, кто живет в этом лесу? — в задумчивости обронила я вслух.

Решив не обращать внимания на то, что никто не захотел принять мою руку помощи, я бродила в поисках того, что можно было бросить в пламя.

— Белки, ежи, — Яна бесстрастно пожала плечами, отвечая на мой вопрос.

— А историю об этом лесе знаешь? — Я поджала губы. Мне хотелось заинтересовать ее, продолжить диалог.

— Что-то вроде страшной байки про Красногорского ма-
ньяка?

— Ну типа. Есть одна забавная штука... — Я скинула на выжженное место, где собирались разводить костер, собранный хворост. — Когда сядем уже нормально, расскажу.

Внешность Яны пугала. Я видела ее всего несколько раз перед поездкой, но каждый раз внутри пробежали полчища мурашек от взгляда. Он не был злым или надменным. Я бы сказала, что ее глаза напоминали мне глаза моего брата. Такие же безразличные ко всему. Выражение лица практически никогда не менялось. Она казалась невероятно спокойной, словно никто

и ничто не могло вывести ее из равновесия. На лице не было ни одной морщинки. Оно выглядело идеально гладким, будто вылепленным из воска. Темная радужка глаз притягивала, завораживала и ужасала одновременно. Яна выглядела неестественно худой, словно вместо рук у нее были тонкие ветви плакучей ивы.

Сначала я не могла понять, почему Тимур вдруг так сильно сблизился с ней и отчего Даша совершенно его не ревнует. А потом до меня дошло: их общение было подобно разговору с зеркалом.

* * *

Когда я смотрела на безразличные лица моих знакомых, то внутри поднималось недоумение — им ничего не важно. Каждый раз это било по мне тяжелой кувалдой. Труднее всего признать отсутствие интереса у окружающих людей. Все, казалось, заняты лишь своей жизнью. Вроде бы обычное дело, но, когда я думала о том, что так будет делать каждый, закрадывалась мысль: долго мир не протянет.

С самого раннего детства мама учила меня доброте и состраданию. Я лежала перед сном в теплой кровати, а она читала сказки о том, каким коварным бывает зло.

Моей любимой была история о железном сердце, которое сковал себе кузнец, чтобы больше никогда никого не полюбить. Однажды его уже предали, поэтому тот навсегда разочаровался в людях. Он сделал сердце крепким и выносливым, но как-то раз в мастерскую зашла прекрасная девушка, что своей красотой заставила кузнеца затаить дыхание. Его грудная клетка была готова разорваться на крохотные кусочки от частоты сердцебиения. Все внутри раскалилось до такой степени, что стало

невозможно дышать. Кузнец не мог позволить себе влюбиться, ведь это была королевская дочь, они никогда не смогли бы пожениться.

Тогда он вынул раскаленное до предела сердце и окунул в ледяную воду. Оно мгновенно потухло, стало, как и прежде, холодным и черствым. Но принцесса стала все чаще навещать кузнеца — уж очень он запал ей в душу. Каждый раз, как в первый, сердце раскалялось до такого предела, что норовило выжечь грудную клетку. И снова приходилось опускать его в ледяную воду, пока оно полностью не потухнет.

Вот только со временем из-за влажности орган стал чернеть. Он покрылся коркой, которая не стачивалась и причиняла владельцу невероятную боль. К кузнецу приходили неравнодушные крестьяне, желая помочь с его недугом, но тот заперся в мастерской, не подпуская никого.

Принцесса, что все это время навещала возлюбленного, хотела помочь, умоляла выковать другое сердце, но тот был непреклонен. Он прятался каждый раз, когда девушка приходила к нему, чтобы не испытывать боли и жара. Вот только сердце не желало быть холодным, как он того хотел, а начало пылать само по себе, стоило лишь подумать о возлюбленной. Все было бесполезно, ничего не помогало. Боль мужчины была непередаваемой. Руки его мелко тряслись, так что больше тот не смог работать и жить как раньше. Мысли путались, покрываясь плотной дымкой, сквозь которую был способен просочиться лишь образ возлюбленной. Агония от любви продолжалась до тех пор, пока сердце кузнеца окончательно не почернело и не рассыпалось в мелкую крошку.

— Мы созданы, чтобы любить. — Наставления моей мамы до сих пор звучат в голове каждый раз, когда я думаю о правильности своих решений.

На самом деле, передо мной всегда был пример достойного и честного человека. Я хотела быть такой, как мой брат. Несмотря на то что он казался нелюдимым, это вовсе не так. У Тимура добрая и открытая миру душа. Сколько себя помню, он всегда отвечал улыбкой на любую просьбу. Я много раз пыталась быть на него похожей, но каждый раз этого оказывалось недостаточно.

Если бы люди думали о том, чтобы хоть ненадолго отключить свое безразличие, то мир бы заиграл другими, более светлыми красками.